

Галина Полынская
Агентство

Час ночи

16+

Тайные стражи

Галина Полынская

Час ночи

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Полынская Г.

Час ночи / Г. Полынская — «ЛитРес: Самиздат»,
2018 — (Тайные стражи)

ISBN 978-5-532-99769-1

Пустяковое на первый взгляд дело приводит сотрудников агентства к странной и темной истории: люди погибают без видимых причин. В истории этой явно не обошлось без какой-то дьявольщины. И если у обычных полицейских распутать этот черный клубок вряд ли получится, то Феликс со своей необычной командой обязательно доберутся до сути.

ISBN 978-5-532-99769-1

© Полынская Г., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

История Агентства «ЭФ»	5
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	16
Глава 7	18
Глава 8	21
Глава 9	25
Глава 10	28
Глава 11	32
Глава 12	34
Глава 13	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Галина Полинская

Час ночи

История Агентства «ЭФ»

Четыреста восемьдесят лет существования в темноте стали невыносимым испытанием для вампира Феликса. Что-то пошло не так в момент его обращения, и Феликс сохранил человеческую суть, с которой нестерпимо проживать вечность без солнца. Потомственный испанский аристократ – Феликс остается таким и в современном мегаполисе, но немногочисленные его знакомые даже не подозревают, что за ним стоит история половины тысячелетия.

Знакомство с Петром и Павлом – сотрудниками загадочной компании «Gnosis», положило конец его сумеречному существованию. Специально для Феликса компания разработала препарат, инъекция которого позволяет вести дневной образ жизни и отказаться от крови, заменив её молоком кокосового ореха, сохранив при этом нечеловеческие возможности вампира. Но взамен компания поставила условие: Феликс должен отыскать пятерых человек, наделенных паранормальными способностями, объединить общим благородным делом и направить их способности в помощь людям. И Феликс поочередно находит:

Молодого парня, юриста Германа Артемьева – он флораконтактер, способен собирать информацию при помощи растений и управлять ими.

Охранника супермаркета, бывшего десантника Валентина Сабуркина – ему повинуется любой металл.

Картонную гадалку Алевтину Сердюкову – она проходит сквозь стены.

А также старичка Никанора Потаповича Вересова, оказавшегося волком-оборотнем, и его внучку Арину – девушку, умеющую оставлять свои отражения в зеркалах и через них наблюдать за происходящим.

Не сразу Феликс придумал, чем же будет заниматься такая странная компания, чтобы не навредить обществу, а наоборот. Не помогали даже советы его верных компаньонов – ворона Паблито и крыса Дона Вито. Но идея, наконец, пришла: они открыли детективное агентство «ЭФ». При помощи своих уникальных способностей команда агентства стала раскрывать даже самые сложные и странные дела, в которых преступник подчас оказывался вовсе не человеком.

Глава 1

Последними снегами осыпалась зима на город. Сколько бы ни крутился февраль выюжными ветрами, его время уходило. Приближался март.

В это утро понедельника Феликс встал раньше обычного и начал собираться в агентство, попутно отбиваясь от крысы с вороном, которым что-то немедленно потребовалось обсудить.

– Не сейчас, – бросил мужчина, переходя из спальни в гостиную. – Потерпит ваше дело до вечера.

– Вечером тебе опять будет не до нас! – «Домашний зоопарк» плелся следом, путаясь под ногами. – И мы опять ничего не спросим!

– Что такого случилось срочного? Чего вам приспичило? – Феликс зашел в ванную, захлопывая дверь перед носом и ключом.

Зная, что потом он пойдет в гардеробную, а дальше – пить свой кровезаменитель, Паблито с Доном Вито сразу отправились на кухню. Усевшись возле стоящей на полу стеклянной вазы, наполненной орехами и сухофруктами, Дон Вито глубоко вздохнул, отчего его упитанные бока раздались пушистым шаром.

– Это ведь и вправду не самый подходящий момент для разговора, – сказал он.

– Для него любой момент неподходящий! – сердито каркнул Паблито. – Раз никак не получается обходными путями выяснить, спросим, наконец, в лоб!

– И как бы самим потом в лоб не получить, – снова вздохнул Дон Вито.

Вскоре явился Феликс. На нём был костюм оливкового цвета, неизменно строгого классического кроя, и светло-серая рубашка. Еще влажные от воды жесткие черные волосы были тщательно зачесаны назад и скреплены гладким золотым зажимом. Открыв холодильник, Феликс достал пакет с кокосовыми орехами, початую бутылку красного сухого вина и принялся готовить кровезаменяющий напиток – кокосовое молоко, разбавленное вином.

– Феликс! – громко каркнул Паблито. – Ты почему Даану ненавидишь, а? Отвечай!

– Да, дорогой, – пискнул крыс, – сделай милость, скажи, пожалуйста.

Разломив скорлупу очередного ореха, мужчина слил белесую жидкость в бокал и обернулся.

– Вы опять за свое? Что за бредовый вопрос, и почему я его слышу время от времени?

– Мы получим ответ на этот вопрос, и тогда Даана подарит нам телефон!

Уставившись на взъерошенную, решительно настроенную птицу, Феликс поинтересовался:

– Зачем вам телефон?

– Как это – зачем? Для связи! С внешним миром!

– С каким еще миром? Ваш писк и карканье кто-нибудь кроме меня понимает? Кому нужны эти звуки в эфире?

– У него есть лапы с пальцами, он может писать текстовые сообщения! – кивнул на крыса ворон.

– Так закажите Даане сразу компьютер в обмен на интересующую ее информацию, пообещайте хорошенько порыться в моих вещах, например...

– Мы уже рылись, – махнул лапкой Дон Вито. – А насчет компьютера ты прав, достаточно, наверное, будет и небольшого планшета, как у твоего сотрудника Германа, но и телефон тоже не помешает.

– Феликс! – нетерпеливо вмешался Паблито. – Если ты не хочешь говорить, чем тебе досадила Даана, соври что-нибудь правдоподобное – мы ей передадим, получим от нее свой телефон, от тебя – планшет, и все от всех отстанут!

– Даже и не знаю, что ответить таким мелким гнусным интриганам.

Разбавив кокосовое молоко вином, мужчина залпом выпил напиток, сполоснул бокал и отправился в прихожую.

Затянутое тучами серое утреннее небо плыло над заснеженным городом, грозясь опуститься на крыши. День обещался быть беспросветно пасмурным, но Феликс все равно вел машину в солнцезащитных очках – даже такой тусклый свет был слишком ярким для его глаз.

К особняку агентства «ЭФ» он приехал первым – у ограды не стояли машины сотрудников, в офисных окнах не горел свет. Еще из салона Феликс заметил прогуливающуюся по дорожке вдоль здания девушку в коротком лисьем полушубке, она ходила туда-сюда, очевидно дожидаясь открытия агентства. Выйдя из машины, Феликс направился к калитке, и девушка торопливо подошла к нему.

– Здравствуйте!

– Доброе утро, – ответил Феликс, открывая замок. – Снова решили зайти к нам?

– Вы меня узнали?

– Конечно. Вы приходили в декабре, хотели, чтобы мы проследили за вашим молодым человеком на предмет его измен. Все-таки хотите, чтобы мы этим занялись?

– Нет, мы с ним расстались, – без особого сожаления сказала она. – Я к вам по другому делу. Дело довольно странное, я все никак не могла придумать, куда с ним пойти, кому рассказать. Потом вспомнила про ваше агентство. Вы на меня тогда впечатление произвели, и я решила, что именно к вам и стоит обратиться. Можно прямо сейчас рассказать, или рабочий день у вас еще не начался?

– Рабочий день у нас начинается с первого клиента.– Феликс посторонился, пропуская её вперед. – Проходите, готов вас выслушать.

Глава 2

Когда за Феликсом закрылась дверь, Паблито походил по коридорам, покрутился возле кухни и направился в гостиную. Увидев, каким целеустремленным шагом ворон прошествовал в комнату, Дон Вито на всякий случай последовал за ним.

Паблито притормозил у одного из шкафов, задрал клюв и принялся рассматривать инкрустацию фасада.

– Красивая всё-таки мебель, – сказал он, опуская голову и рассматривая широкие нижние ящики. – Как, Феликс говорил, звали того мастера?

– Анри-Шарль Буль. – Усевшись поблизости, крыс наблюдал за птицей с возрастающим беспокойством.

– Умели раньше делать, умели.

Паблито шагнул к правому ящику и практически уткнулся клювом в позолоченную ручку в виде львиной головы, держащей во рту кольцо.

– Собираешься порыться в шкафах?

– Что сразу «порыться». Рыться в чужих вещах некрасиво. Так... просто посмотрю, что там за богатство.

Дон Вито тяжело вздохнул:

– Всё Феликсу расскажу.

– Не расскажешь.

– Почему это?

– Потому что я тоже про тебя что-нибудь расскажу!

– Я не делаю ничего плохого.

– А я придумаю! И расскажу!

– Ну да, ты соврешь – недорого возьмешь, – пробормотал крыс и добавил громче: – Надеюсь, все ящики заперты на ключ.

– Эти не заперты – тут только ручки, замков вообще нет.

– Смотри, какие они большие и наверняка тяжелые. Мы их не выдвинем.

– Мы? Выдвинем! Давай помогай, а то соврешь – недорого возьму!

И ворон решительно сунул клюв в золотое колечко.

Совместными усилиями им и впрямь удалось выдвинуть ящик практически на четверть. Он оказался до отказа забит стопками писем и фотографий.

– Тю! – расстроился Паблито. – Всего-навсего бумажки! Давай навались – задвигаем обратно!

Однако Дон Вито «наваливаться» не спешил – содержимое ящика его заинтересовало.

– Погоди, погоди, это может быть интересно.

– И что там может быть интересного в старых письмах? Хотя ты же у нас жил при библиотеке, любишь читать всякое!

Но крыс его уже не слушал. Маленькими пальчиками он шустро прошелся по сложенным листкам бумаги без конвертов и вытянул из стопки одно письмо. Положив его на пол, Дон Вито развернул пожелтевшую от времени бумагу и уставился на чернильные строки.

– И на каком языке написано? – Паблито недовольно покосился на письмо.

– На русском.

– А чего ж там какие-то странные точки, закорючки?

– Это старо-русский, так писали в царской России, еще до Революции.

– Небось сам царь ему и пишет?

– Нет, это от женщины письмо. Не мешай, пожалуйста, я хоть и жил при библиотеке, но такое письмо тоже с трудом разбираю.

– Вслух давай читай! А то пристроился в одиночку, ишь какой!

Касаясь лапкой аккуратных, тонких, словно бисерных строчек, Дон Вито начал читать:

– Мой господин! Вести о предстоящем вашем отъезде разрывают мое сердце. Нет сил даже мыслить об этом. Вчерашний вечер в опере неужто был последней нашей встречей? Каким мучительным счастьем было находиться подле вас, украдкой касаться вашей руки! Я как преступница, воровка ловлю каждый ваш взгляд, что дороже мне всех сокровищ мира. Мне нет больше жизни без вас! Умоляю, не оставляйте меня! Готова следовать за вами всюду, в какие бы чужезадельные страны ни лежал ваш путь. Приму с поклоном и благодарностью лишения и невзгоды, стерплю людскую молву, не побоюсь гнева Господа Бога. Пусть отречется от меня семья, родня, отвернется весь свет – все, лишь бы ехать с вами. Клянусь быть преданным другом, старательной служанкой, покорной наложницей вашей! Да хоть велите мне надеть мужское платье да ночи напролет ходить по кабакам! Все подле вас мне будет в радость! Жду весточки от вас. Навечно ваша, Анна Уварова.

Дон Вито закончил читать и поднял взгляд. Ворон сидел с приоткрытым клювом и смотрел в потолок. Услышав, что наступила тишина, он очнулся:

– А фотка есть?

– Нет.

– Может, где-то лежит? Давай посмотрим!

И с новым интересом Паблито сунул клюв в ящик.

Среди плотных стопок писем нашлась и пара пачек фотографий, перевязанных ленточками. Крыс аккуратно развязал ленты, и на полу оказалась целая россыпь снимков юных девушек и прелестных молодых женщин в одеждах разных эпох.

– Неплохая коллекция, – одобрил Паблито. – Все симпатичные такие.

– О да, видно, что у Феликса весьма утонченный вкус. – Перебирая фотографии, Дон Вито залюбовался прекрасными созданиями.

– И это же наверняка далеко не все, а только те, кто запомнился, впечатление произвел?

– Скорее всего. – Крыс снова погрузился в письма. – Разные страны, языки, государства, которых больше не существует... Как интересно прикасаться к весточкам давно ушедших времен!

– И все— любовные письма?

– Ага. Трогательные такие, пронзительные. Вот послушай...

И до самого обеда они читали послания своему хозяину, пытаясь в ворохе фотографий угадать, кто же из этих запечатленных красавиц доверял свою любовь и страсть, отчаяние и надежду пожелтевшим бумажным страницам.

Глава 3

Усадив посетительницу на гостевой диванчик секретарской, Феликс спросил, не желает ли она чая или кофе.

– Наш секретарь еще не пришел, но я вполне могу вам приготовить.

– Нет, спасибо.

Темноволосая, кареглазая, с миловидным личиком и пухлыми губами с терракотовой помадой, она с откровенным интересом рассматривала директора агентства и к делу переходить не спешила.

Феликс сел за секретарский стол, положил обе руки на столешницу, сцепил пальцы в замок и сказал, глядя на девушку:

– Я вас слушаю.

Но она продолжала рассматривать мужчину. Любопытный взгляд скользнул по прекрасно сшитому костюму оливкового цвета, задержался на массивном золотом перстне с винно-красным камнем и монограммой в виде буквы «F», прошелся по лицу с правильными, словно высеченными из холодного мрамора чертами и пронзительно-яркими синими глазами.

– Я вас слушаю, – повторил Феликс.

– Вы совсем не похожи на детектива. Артист, актер какой-нибудь – да, но никак не детектив.

– Представим, что я актер, играющий детектива, и вы тоже снимаетесь в этом сериале. И вот— сцена первая: вы пришли в мое агентство, чтобы рассказать, что у вас случилось. Итак, что?

– С чего же начать... – Девушка опустила взгляд и стала смотреть на глянцевые журналы, лежащие на столике перед нею.

– Начните со своего имени. Меня зовут Феликс, Феликс Эдуардович Нежинский, а вас?

– Лебедева Вероника. Просто Вера, отчество не обязательно.

– Договорились.

Повисла пауза. Вероника смотрела на журналы, а Феликс – на Веронику, ожидая, пока она соберется с мыслями. Наконец, все так же глядя на журналы, девушка произнесла:

– Год назад я открыла ЗОЖ-центр «Бэлль». Это небольшой салон красоты с полностью натуральной косметикой. При нем кафе на три столика с легкими экологически чистыми продуктами и напитками. Есть и маленький магазинчик, где можно купить косметику, биодобавки и всякое по мелочи, что укладывается в представление о здоровом образе жизни. Дела пошли хорошо, быстро появилась постоянная клиентура, я уже подумываю о расширении, но... есть одно но. Центр я открывала вместе со своей подругой, она вложила часть денег – где-то четверть от всех затрат, остальную сумму добывала я: что-то было накоплено, что-то заняла, пришлось даже влезать в кредит. Всё на свой страх и риск, но вроде риск оказался оправдан, дело приносит доход, долги я уже отдала, кредит потихоньку гашу. В общем, живи, работай, радуйся, но где-то с месяц назад стала я замечать, что с подругой моей, – зовут ее Карина, – будто что-то неладное происходит. Она в нашем ЗОЖ-центре работает косметологом, к ней очередь стоит, настолько она хороший специалист в своем деле. Веселая, общительная, открытая... знаете, такой вот прямо солнечный человек. А тут как-то замкнулась, закрылась, улыбается через силу и все время словно о чем-то напряженно размышляет. Я уже и так, и сяк, и с одного боку и с другого – глухо. Не желает рассказывать и всё тут. Мы словно моментально сделались чужими. Я уже что только не передумала: от того, что её хотят переманить в какой-то другой салон красоты, до того, что она задумала меня кинуть. Я уже натурально извелась в такой атмосфере. Не могу понять, что у неё происходит и к чему готовиться. Вот и решила

к вам обратиться, чтобы вы своими... э-э-м-м... детективными методами выяснили, почему Карина так изменилась.

– Может, приболела, но не хочет рассказывать о проблемах со здоровьем?

– Нет, тут точно нет, она в этом плане ужасно мнительная, за собой тщательно следит – даже если легкую простуду подхватит, сразу постельный режим себе устраивает. Случись что со здоровьем, она бы сразу перестала на работу ходить.

– С лично жизнью у неё как?

– Она не замужем, постоянного на данный момент нет никого, как говорится: «в активном поиске». Хотя, наверное, активным этот поиск тоже не назовешь, просто ждет, пока принц на лимузине подъедет прямо к нашему центру.

– А с членами семьи, родителями все в порядке?

– Вроде, да.

– Сколько ей лет?

– Двадцать шесть. Я её на два года старше.

– Давно вы знакомы?

– Лет шесть. Раньше жили по соседству, потом я переехала, но дружба сохранилась.

– Почему вы решили, что она может вас кинуть? Прежде подруга давала повод думать, что она на такое способна?

– Не давала, но... – Вероника замаялась, откинулась на спинку дивана и посмотрела в потолок. – Я уже никому не верю, понимаете? ЗОЖ-центр уже не первая моя попытка завести собственный бизнес, всего их было четыре. И всякий раз так или иначе меня подставляли партнеры. Из-за предпоследней компаньонки я чуть под суд не попала, а знакомы мы с ней были с детского сада. Не знаю, может, я сейчас зря накручиваю и у Карины действительно что-то случилось, чем она не хочет делиться, но я должна знать. Если она задумала что-то против меня, мне надо быть готовой; если у нее что-то стряслось, я подумаю, как ей помочь. Вы беретесь за такие дела?

– Мы практически за все дела беремся, если они не нацелены на нанесение кому-либо вреда. – Взгляд Феликса был устремлен в дальнее окно у входной двери. К ограде агентства подходил старик в драповом пальто и кепке-картузе, под руку его держала юная блондинка в фиолетовой кожаной курточке. – Мне понадобится от вас фотография Карины, ее домашний адрес и данные о привычках, образе жизни, членах семьи, друзьях-знакомых, местах, где она бывает.

– Да-да, всё предоставляю, – закивала девушка. – А расценки ваши можно узнать?

– Расценки можно узнать у нашего секретаря. – Феликс указал на входную дверь, и в тот же момент она открылась. На пороге возникла пара: дед с внучкой. – Знакомьтесь, секретарь агентства «ЭФ» Вересов Никанор Потапович и наша сотрудница Арина.

Арина приветливо улыбнулась, а Никанор стащил с головы картуз и отвесил чинный поклон.

– Разрешите и вам представить Веронику Лебедеву, – сказал Феликс, поднимаясь из-за стола. —Она наш новый клиент.

Глава 4

Познакомившись со всеми сотрудниками агентства «ЭФ», Вероника пообещала в тот же день прислать на почту секретаря фотографии с биографией своей подруги, распрощалась и ушла.

– Что-то она мне не нравится, – поморщилась Алевтина Михайловна, когда за посетительницей закрылась дверь.

– Вовсе не обязательно влюбляться в клиентов. – Феликс подошел к окну. За стеклом шел мелкий снег, хмурые тучи висели над домами, не желая впускать в город солнце. – Они нам не за это платят. И я хочу, чтобы этим делом целиком и полностью занимались вы. Без меня. Думаю, такую простую задачу, как выяснить, что же там случилось у девушки, вы сможете решить максимум за неделю.

– Скорее всего, – кивнул Герман. – Надеюсь, в этой истории нет никакого криминала.

– Если даже и есть, на этот случай у нас припасен капитан Мухин. Ждите письма, а я, пожалуй, поеду по своим делам, чтобы у вас было больше пространства для творчества и меньше искушения задавать мне вопросы.

– Погодите минутку, – сказала Арина. Она сидела за секретарским столом и что-то записывала в тетрадку. – Скажите, когда у вас день рождения? Я составляю календарь праздников и памятных дат, чтобы мы не забывали поздравлять друг друга.

– По нынешнему календарному стилю – двадцать шестого апреля.

– И исполнится вам четыреста восемьдесят один?

– Четыреста восемьдесят два, четыреста восемьдесят один мне исполнилось в прошлом апреле.

– Ага, хорошо, всё записала.

– Совсем молодой еще! – хмыкнул Никанор Потапович, вынося из туалетной комнаты веник с совком. – Только жить начинаешь!

– А тебе, Потапыч, сколько годков? – заулыбался Валя Сабуркин. – И когда праздновать будем?

– Январский я. Отмечать не люблю, но на следующий раз, так уж и быть, погуляем.

– А годков-то сколько?

– Да кто их там считать будет, годки энти, давно уж со счета сбился.

– Ладно, не хочешь – не говори, но день рождения не зажимай, гулять будем!

– А у кого по календарю самое ближайшее выпадает? – Заинтересовавшись, Гера подошел к столу и заглянул в тетрадку.

– У Феликса Эдуардовича.

– До конца апреля не так уж много времени, надо прикинуть что-нибудь особенное... — задумчиво произнесла Алевтина.

– Лучше прикидывайте, с чего начнете сбор информации, – сказал Феликс, снимая с вешалки черное полупальто, – разрабатывайте стратегию своих детективных действий. Всего хорошего, я пошел. Звоните только в крайнем случае.

Выйдя за ограду особняка агентства, Феликс положил пальто на заднее сидение своей машины, сел за руль и, прежде чем включить зажигание, набрал номер компании «Gnosis». Ответил Павел.

– Вы говорили, что лучше не дожидаться окончания срока действия препарата и колоть «внахлест», – сказал Феликс. – У меня освободился день. Могу заехать к вам.

– Отлично, давайте, ждем.

Подъезжая к светло-желтому трехэтажному особняку, Феликс заметил, как в приоткрытое окно второго этажа один за другим залетела пара кречетов. Оставив машину на стоянке, он перешел через дорогу и потянул на себя дверь с металлической табличкой: «Представительство компании “Gnosis”». Вестибюль как обычно встретил гулкой пустотой и полумраком.

– Поднимайтесь, Феликс! – донесся сверху голос Петра.

На этот раз вечно меняющийся интерьер помещения на втором этаже выглядел комнатой отдыха с белоснежной мягкой мебелью и цветочными букетами в высоких напольных вазах. И лишь один предмет мебели не вписывался в обстановку – кресло, напоминающее стоматологическое, но с мягкой бархатной обивкой сидения и спинки свекольного цвета. Рядом с креслом располагался небольшой столик из желтого металла на длинной тонкой ножке, на нем стояла хорошо знакомая Феликсу темно-синяя бархатная коробка со всем необходимым для инъекции.

Поприветствовав Петра и Павла, которые как всегда были в неизменной своей светло-серой одежде – по-летнему легких рубашках и брюках свободного кроя, Феликс кивнул в сторону кресла с бархатным сидением:

– Видимо, мне туда?

– Именно! – широко, белозубо улыбнулся Павел, а Петр подошел к столику и открыл коробку.

В ярком электрическом свете сверкнула ампула с синей жидкостью.

Сняв пиджак, Феликс повесил его на спинку кресла, сел и стал расстегивать манжету рубашки. Петр тем временем взялся подготавливать препарат к инъекции. И вдруг спросил:

– Феликс, а что там с запасной ампулой, которую мы вам давали в поездку в Феодосию? Вы её использовали?

– Нет, не пригодилась. Знаю, что обещал вернуть, но очень уж хочется оставить ее дома – на всякий случай, для подстраховки.

Петр с Павлом переглянулись.

– И что вас беспокоит? – Закатав рукав рубашки, Феликс вытянулся в кресле. – Я просто хочу уменьшить собственное беспокойство в связи с препаратной зависимостью. Мало ли какой форс-мажор может приключиться, мне нужна хоть какая-то гарантия своевременной инъекции.

– В общем-то, вы правы, – кивнул Павел. – Но вы помните, да, что ни в коем случае...

– ...препаратом «Феликс-1» не должен воспользоваться никакой другой вампир, он разработан индивидуально для меня, – сказал Феликс. – Все помню, не беспокойтесь. Приступайте, я готов.

Игла шприца вошла в белую, будто мраморную кожу, Петр плавно опустил поршень, и синяя жидкость устремилась по руке тончайшими голубоватыми ручейками. Вдруг Феликс коротко задохнулся. На миг ему показалось, что картинка перед глазами – комната с мягкой мебелью и цветочными вазами – застыла, как нарисованная, а потом начала трескаться.

Глава 5

Синие глаза моментально налились кровью, зрачки сузились вертикальными иглами, в углах рта выступила розоватая пена. Феликс дернулся, словно его ударило током, но из нижней части кресла, из подлокотников, из самой спинки мгновенно выскочили металлические фиксаторы рук, ног, груди и с глухими щелчками обездвижили вампира. Сознание Феликса раздвоилось: одна часть осознавала самое себя, позволяла слышать звуки, видеть окружающее пространство, другая же стремительно разливалась чернильной мутью, ослепляя и вырываясь надсадным хрипом из гортани. Затем все померкло перед глазами, остались лишь звуки – хлопанье крыльев и встревоженный птичий клекот. Тут Феликсу показалось, что его стало затягивать в бездонную липкую воронку, раскручивая при этом на бешеной центрифуге. Частью сознания, не залитой чернильной тьмой, он цеплялся за угасающую реальность, осознавал – нечто происходит вокруг, непосредственно с ним самим, но не понимал, что именно.

Проваливался он в беспамятство или нет, Феликс тоже не смог понять, лишь в один момент ощутил, как стало замедляться вращение бешеной центрифуги, а сам он начал подниматься из липкой воронки все выше и выше, к её широкому жерлу.

Когда темнота рассеялась, Феликс увидел склонившихся над ним Петра и Павла. Они были частично трансформированы – за плечами виднелись серебристые крылья, вместо светлых волос головы покрывали перья, а кисти рук походили на когтистые птичьи лапы.

Феликс хотел что-то сказать, но из сухого горла вырвался лишь хриплый стон. Петр наклонился и откуда-то снизу поднял прозрачный стеклянный сосуд, напоминающий лабораторную колбу. Сосуд наполняла непрозрачная жидкость оранжевого цвета. Петр поднес колбу к губам Феликса, стеклянный край стукнулся о зубы, и в глотку пролилась густая, прохладная, сладковатая жидкость с отчетливым привкусом крови.

В пару глотков осушив колбу, Феликс перевел дух и ощутил мгновенный прилив сил. Словно изнутри его озарило ослепительное сияние и золотистыми своими переливами очистило рассудок, сделав его ясным до абсолютной прозрачности.

– Скажите что-нибудь, – произнес Петр.

– Вы не до конца оборотились, – ответил Феликс.

Петр с Павлом посмотрели друг на друга и словно только сейчас заметили крылья, перья и когти. Они отошли в сторону и стали подпрыгивать на месте, словно разминались перед пробежкой. Прыжки становились все выше и выше, оборотни пару раз зависли в воздухе, и вокруг их крылатых фигур возникли легкие, но непрозрачные белые облачка.

Когда Петр с Павлом опустились на пол, а дымка рассеялась, они снова выглядели симпатичными русоволосыми молодыми мужчинами с серыми глазами и открытыми белозубыми улыбками. На первый взгляд они казались близнецами, но один был все-таки старше.

Они оба склонились над Феликсом, пристально вглядываясь в беломраморное лицо с электрически-синими глазами.

– Что со мной было? – Феликс попробовал пошевелиться, но фиксаторы все еще удерживали его.

– Сами пока толком не поняли. Но уже взяли вашу кровь – сегодня же проведем анализ, выясним, что дало такую мощную обратную реакцию.

– Обратную реакцию? Я что, моментально начал становиться прежним?

– Ну, не все так буквально и однозначно, – уклончиво ответил Павел, – но нечто похожее было, да.

– На солнце теперь лучше не выходить?

– Нет-нет! Сейчас все в порядке, живите как жили! Возможно, нахлест инъекций получился слишком большой. Надо провести пару экспериментов...

– Я так люблю, когда надо мной ставят эксперименты, – произнес Феликс, каким-то образом умудряясь смотреть им обоим в глаза одновременно. – Конечно, проводите, я всеми руками за.

– Феликс, мы ничего не можем поделать в данном случае, – сказал Петр. – Вы знаете, что препарат экспериментальный, тестировать его на ком-то другом было невозможно, и никто не знает, какие еще могут быть побочные эффекты, сколько времени понадобится для его усовершенствования...

– Я все это уже десять раз слышал. То есть препарат довольно непредсказуем и то время, что я его принимаю, вовсе не показатель стабильности? В любой момент может начаться обратная реакция?

– Понадеемся, что нет. Мы постоянно работаем над препаратом, изучаем его, стараемся сделать лучше...

– Не перестарайтесь только, – сухо отрезал Феликс и снова попытался пошевелиться. – Не хотите меня отстегнуть? Я уже вроде в своем уме и опасности не представляю.

– Ах да, простите!

Ни Петр, ни Павел не прикоснулись к креслу, металлические фиксаторы сами собой раскрылись и ушли внутрь кресла.

– Любопытная конструкция. – Феликс встал на ноги, опустил рукав рубашки и принялся застегивать манжету. – Инквизицию напоминает.

– Ну что вы! – чересчур радостно и дружно засмеялись Петр с Павлом. – Какие могут быть аналогии!

– Самые прямые. Всё, могу идти?

– Да-да! Если что, звоните...

– ...в любое время дня и ночи, – закончив на ходу фразу, Феликс снял пиджак со спинки кресла и вышел на лестницу.

Глава 6

Покинув особняк компании «Gnosis», Феликс обнаружил, что на улице уже темно, и посмотрел на циферблат наручных часов – восемь вечера. Перейдя через дорогу, он направился к своей машине, сел за руль и бросил пиджак на сидение рядом. Самочувствие было отменным, даже чересчур хорошим, отчего распирала какая-то веселая азартная злость – почти позабытое чувство, в прежние времена сопутствовавшее охоте на людей.

«Ауди S8» цвета «Амулет» рванула с места, стремительно исчезая в потоке машин. Четкими до автоматизма движениями Феликс вел машину, глядя в лобовое стекло взглядом отстраненным и пустым. Казалось, он видит перед собой совершенно иные картины, не имеющие ничего общего с магистралью.

Приехав домой, Феликс прошел к лифтовой, против обыкновения не поздоровавшись с охранником Алексеем, лишь коротко кивнул ему.

Поднявшись в квартиру, он сразу прошел на кухню. Не испытывая ни малейших признаков голода, он тем не менее смешал кровезаменяющий напиток: немного кокосового молока и много вина. Поставив бокал на стол, мужчина сел лицом к окну и стал смотреть, как в стекле плывет и подрагивает уличная иллюминация.

Вскоре на кухонном пороге возник маленький черный силуэт.

– О, Феликс, дорогой, ты уже дома? А почему в темноте сидишь?

– Мне хватает света.

– Что-то случилось? – Дон Вито прошмыгнул мимо его ног и забрался на соседний стул. – Почему ты такой мрачный?

– Просто устал.

– Не хочешь рассказывать?

– Просто устал. Где Паблито?

– Полетел размяться, заодно и посмотреть, спокойно ли в нашей округе.

– Что может быть в нашей округе беспокойного?

– Мало ли. На всякий случай мы следим.

Феликс молча кивнул и снова стал смотреть в окно.

Забравшись на деревянный подлокотник стула с резной спинкой, место которому скорее было в католическом соборе, нежели на кухне, крыс коснулся рукава рубашки.

– Ты не переоделся как обычно.

– И пиджак в машине оставил.

– Что же могло случиться за сегодняшний день? – Дон Вито пару раз провел лапкой по ткани рукава, словно разглаживал ее. – Неизвестность хуже пытки, так ведь, да?

– Все в порядке. Просто я был на инъекции в «Gnosis» и немного нехорошо себя чувствую.

– Новые побочные эффекты обнаружили? – немедленно всполошился крыс.

– Вот, лучше бы не рассказывал. Теперь ты посеешь панику и Паблито окончательно сведет всех с ума своими истериками. Все в порядке, говорю, отдохнуть мне надо.

Так и не прикоснувшись к бокалу с напитком, мужчина встал из-за стола и пошел в гардеробную переодеваться, после – в ванную.

Вода в этот раз шумела дольше обычного, причем лилась так, словно кран открыли, но под душ не встали. Крыс сидел под дверью, шевелил ушами, улавливая малейшие движения и звуки, и страстно желал, чтобы домой сейчас не появился Паблито.

Когда вода, наконец, стихла и мужчина вышел, то он не обратил внимания на сидящего у порога крыса и сразу направился в спальню. Феликс по-прежнему нигде не включал свет,

квартира оставалась погруженной во тьму, и у Дона Вито создалось ощущение, будто они прячутся от кого-то.

Заглянув в спальню, крыс увидел, что мужчина лежит на кровати, подложив ладонь под голову, и смотрит в потолок, а не как обычно – на коллекцию холодного оружия, занимавшего всю противоположную стену от пола до потолка.

Цепляясь за край простыни, свисающей к самому полу, Дон Вито забрался на постель и уселся у правого плеча Феликса.

Какое-то время они оба молчали, затем крыс тихонько произнес:

– Феликс, ты любил кого-нибудь? Встречались тебе женщины, заставлявшие тебя терять рассудок от страсти?

– Случалось увлекаться, – ответил он, ничуть не удивившись вопросу, – но чтобы любить до потери рассудка... Наверное, нет. Я не мог себе этого позволить – в моем-то положении.

– А можешь рассказать хоть о ком-нибудь, кем ты был увлечен? Может, вспомнится кто-то?

– Я их всех помню, так или иначе. Кто-то остался четким портретом, кто-то практически живой, осязаемой фигурой, кто-то зыбким наброском, а от кого-то остался смех, или запах волос, или манера одеваться, или пристрастие к кокаину.

– А все же расскажи о ком-то конкретном.

– О ком-то конкретном... Мы встретились в тысяча шестьсот восемьдесят шестом году в Париже. Ее звали Луиза де Монжар, и она была одной из первых певиц, вышедших на сцену. Еще каких-то четверть века до этого появление женщины на театральной сцене означало скандал и эпатаж. Актерами были только мужчины. Талант Луизы де Монжар заметил и огранил очень известный в те времена Жан Батист Люлли, грубо говоря, этот человек все решал в сфере музыкального искусства и, по сути, создал французскую оперу. Он вывел Луизу на сцену театра, который теперь называется «Гранд Опера». Я был восхищен ее красотой и талантом, а когда мы познакомились и сблизились, она к тому же оказалась незаурядной личностью.

Наши отношения продолжались два года, хотя лучше сказать – всего год, до момента смерти Люлли. Его уход стал для Луизы страшным ударом, на нервной почве она начала терять голос. На сцену она больше выходить не могла, а без оперы не видела смысла жизни, к тому же её стала преследовать навязчивая мысль, что теперь, когда она утратила свой талант, я непременно потеряю к ней всякий интерес. В конце концов, Луиза довела себя до полнейшего нервного истощения и попросила ее убить. Как истовая католичка, она не могла совершить такой страшный грех, как самоубийство.

Феликс замолчал. Немного помедлив, крыс поинтересовался:

– И что? Что ты сделал?

– Выполнил просьбу Луизы. Я её убил.

Он произнес это таким спокойным будничным тоном, словно говорил о вполне обыденных вещах. А после добавил:

– Давай спать, Вито. Поздно уже.

Глава 7

Проснувшись еще затемно, Феликс долго лежал с закрытыми глазами, слушая, как под боком похрапывает крыс, а на спинке кровати посвистывает во сне ворон. Когда Паблито вернулся, они с Доном Вито не слышали – в спальню ворон прокрался на удивление тихо.

Феликс встал с кровати так, что никто из крепко спящих даже не шелохнулся. Он словно исчез из постели, лишь чуть шелохнулись простыни.

Зайдя в ванную, Феликс закрыл дверь и пару минут просто стоял у порога, обводя отсутствующим взглядом пространство: стены и пол одной гаммы – винно-красной, черная каменная чаша на бронзовых лапах с душевой панелью, раковина с полочкой, где в безупречном порядке расставлены бритвенные принадлежности, которыми никогда не пользовались, флакон туалетной воды из толстого стекла, с выдавленной на стенке буквой «F», и вместо зеркала – небольшой портрет под стеклом. На мгновение Феликсу показалось, что молодой человек с четырехсотлетнего холста перевел на него взгляд.

– Ты отвернулся, если бы мог, да? – вслух произнес Феликс. – Но нет, мы и дальше будем смотреть друг на друга.

Включив душевую панель, он перешагнул каменный бортик, но не встал под мелкие струи, неизменно отрегулированные на одну и ту же интенсивность распыления, а лег на дно ванной. Ощущая спиной, затылком, всем телом холод постепенно намокающего черного мрамора, Феликс продолжал смотреть на картину, висящую над раковиной. Ему там было чуть больше двадцати, на этом портрете, но прямой, пристальный взгляд глубоких синих глаз делал его старше – так говорили сестры. Отчего-то Ракель и Леокадии обеим не нравился именно этот портрет.

Опустив веки, Феликс глубоко вдохнул, сосредотачиваясь на звуке льющейся воды и мраморной прохладе.

Когда, наконец, соизволили проснуться Паблито с Доном Вито, Феликс уже сидел на кухне за столом – в сером костюме с черной рубашкой, с гладко зачесанными и собранными в хвост под золотой зажим ещё немного влажными волосами. На столе перед ним стоял бокал кокосового молока, едва подкрашенного сухим вином.

– Доброе утро, дорогой! – пропищал крыс, забегая на кухню. За ним, лениво переваливаясь с лапы на лапу, плелся сонный ворон. – Надо же, мы и не услышали, как ты встал, так бы и спали, думая, что ты тоже...

Взгляд Дона Вито упал на настенные часы – стрелки показывали половину девятого.

– Тебе не надо сегодня ехать в агентство?

– Надо.

– Что же не едешь?

– Сейчас поеду.

Голос Феликса звучал ровно и глухо, а взгляд был устремлен куда-то в пространство, хотя вроде бы он и смотрел на крыса. Замерев в метре от стола, Дон Вито поводил чутким носиком, словно настороженно принимался к чему-то.

– Дорогой... всё в порядке? Ты себя хорошо чувствуешь?

– Да, всё в порядке.

Феликс залпом выпил молоко, встал из-за стола, поставил бокал в раковину и вышел из кухни. Через полминуты хлопнула входная дверь.

– Чего это с ним? – удивленно проскрипел ворон.

– Ничего. Ты же слышал – всё в порядке.

Дон Вито поспешил к стоявшей на полу вазе с широким горлом, которую наполняли орехи, цукаты и сухофрукты.

– Он бокал оставил в раковине! Не вымыл его! Просто оставил и ушел! И ты будешь мне заливать, что все в порядке? Да я даже не представляю, что могло случиться, чтобы Феликс оставил грязный бокал! Быстро говори, что там за дела такие?

– Я не знаю.– Сидя на стеклянном краю, крыс дотянулся до кусочка засахаренного манго. – Честное слово.

– Какое может быть у крысы честное слово? Говори, кому говорю! А то я сейчас...

Дон Вито тяжело вздохнул, бросил манго обратно в вазу и сказал:

– Он был вчера в «Гнозис» на инъекции, и что-то там пошло не так.

– Что – не так? – Паблито даже крылья растопырил, что говорило о сильнейшем волнении, охватившем птицу.

– Сказал, что нехорошо себя почувствовал. И всё, больше ничего. Подробности не знаю, клянусь. Просил тебе не рассказывать, чтобы ты своими истериками всех с ума не свел.

– А-а-а... Вот как. Что ж, понятно. Спасибо за доверие.

Ворон опустил крылья и поковылял к кухонной двери. Перепрыгнув через порог, он скрылся в коридоре.

У ограды особняка агентства уже стояли машины сотрудников – синий «Опель» Германа и недавно приобретенная бордовая «Тойота» Алевтины. Феликс припарковался почти у самой калитки и вышел из салона. С беспросветно-серого неба сыпал мелкий снег, порывы сырого ветра налетали неожиданно и резко. Войдя на территорию, Феликс поднялся по ступенькам, привычно бросив взгляд на вывеску над входом: «Агентство “ЭФ”. Частный розыск. Помощь в беде», толкнул дверь и вошел в секретарскую. Против обыкновения, помещение пустовало. Из кухни лился кофейный аромат, доносился звон посуды да голос старика Никанора, насвистывающего какой-то простенький мотивчик.

Заглянув на кухню, Феликс увидел секретаря, намывающего посуду, поздоровался и поинтересовался:

– А где народ?

– В главном офисе! – торжественно ответил Никанор Потапович, ставя на сушилку очередную вымытую чашку.

– И что они там делают?

– Как что? – вскинул старик кустистые брови и с еще большей торжественностью добавил: – Работают!

– Ну да. Что же еще. Пойду погляжу, что они там наработали.

Главный офис встретил директора картины, которую он желал увидеть с момента открытия агентства, но дождался только сейчас: все сотрудники сидели на своих местах перед компьютерами. Гера что-то писал, быстро шурша клавиатурой, Алевтина с Сабуркиным с одинаково замороженными лицами смотрели в мониторы, изредка щелкая мышкой, Арина что-то помечала карандашом на листе бумаги, поглядывая в экран. А на центральном столе для посетителей, словно специально положенная на самое видное место, красовалась ядовито-желтая пластиковая папка, подписанная крупным каллиграфическим почерком секретаря: «Дело № 5. Изменившаяся Карина».

– Карина изменившимся лицом бежит пруду... – на выдохе пробормотал Феликс и сказал громче: – Ваш директор приветствует вас, товарищи детективы.

«Товарищи детективы» выглянули из-за мониторов, поздоровались и снова уткнулись в компьютеры.

– Что ж, вижу, вы заняты, не буду мешать. Если понадобится – я в кабинете. – И, толкнув дверь с бронзовой табличкой «Нежинский Феликс Эдуардович. Директор», скрылся из вида.

Как только за директором захлопнулась дверь, сотрудники оторвались от экранов и переглянулись.

– Кажется, он нами доволен, – шепотом произнесла Аля.

– Сто процентов, – кивнул Валентин. – Кстати, кто-нибудь нашел что-нибудь стоящее?

– Ерунда пока что всякая, – ответил Гера. – В соцсетях у Карины в основном кулинарные рецепты, перепосты клипов и статей о красоте-здоровье. Событий из жизни практически никаких.

– Но мы же только взяли! – так же шепотом воскликнула Арина. – Главное – понять, с чего начинать, как к этой девушке подступиться!

– Может, карты на нее раскину? – предложила Алевтина.

– Если Феликс узнает, что мы свое расследование начали с карточного гадания... – засомневался Герман, а Сабуркин перебил:

– А нечего ему про это знать! Без разницы, как дело размотаем, главное – успех!

– Поддерживаем единогласно, – закивала Арина. – Давай, Алечка, раскидывай!

Глава 8

Стоя у окна, Феликс смотрел, как мелкий снег постепенно превращается в дождь и струится тонкими нервными ручейками по мутному стеклу. Асфальтово-серые тучи, казалось, гнали такой же серый ветер, превращающий пейзаж за окном в старую черно-белую фотографию.

Ни мыслей, ни чувств, ни желаний – лишь отчетливое ощущение, что порывам ветра нет препятствий, он легко проходит сквозь окна и стены и продувает насквозь, закручиваясь тугими вихрями где-то в межреберном пространстве. Феликс чувствовал взгляд. Взгляд золотисто-зеленых глаз, смотрящих ему в спину с фотографии на письменном столе. И непонятно, что больше тяготило – ветер, воющий в грудной клетке, или этот пристальный взгляд.

Во внутреннем кармане пиджака ожил мобильный телефон. Феликс взял аппарат и, не глядя, принял вызов:

– Слушаю.

– Утро доброе, – произнес голос Павла. – Как вы себя чувствуете?

– Нормально.

– Никаких перепадов?

– Нет.

– Побочные эффекты, беспокоившие в начале приема препарата, не вернулись?

– Нет.

– В ближайшие пару дней вы могли бы хотя бы тричетыре раза в день сообщать о своем самочувствии, не упуская подробностей, даже самых, казалось бы, незначительных изменений?

– Мог бы.

– Все силы сейчас брошены, чтобы выяснить причину сбоя, – торопливо заговорил Павел, словно скупые, односложные ответы Феликса вызвали в нем чувство вины. – Рассчитываем в кратчайшее время найти причину, возможно, это даже поможет нам усовершенствовать препарат...

– Почему я так и не стал отражаться в зеркалах? Возникали ведь в самом начале пусть смутные, пусть рваные, но все-таки контуры. Была надежда, что вот-вот появится четкая картинка. Но она так и не появилась. В чем причина?

Трубка помолчала немного и вздохнула:

– Конкретно на этом пункте мы особо не фокусировались, посчитав его малозначительным. Но опять же, мы высказывали предположения, что как только вы начнете есть обычную пищу, хотя бы в малых количествах, появится и отражение.

– Как это связано? С приемом пищи я стану более материальным? Нынешней моей материальности не хватает для получения отражения?

– Мы можем лишь предполагать...

– Понятно. Тему еды мы с вами уже обсуждали, я говорил, что не знаю, как съесть хоть что-то из того, что вижу на прилавках. Это не имеет никакого отношения к продуктам, которые я ел при жизни – ни по цвету, ни по запаху, ни по составу. Не исключено, что обычный кусок хлеба просто убьет меня, и закончится на этом весь эксперимент. И вы обещали...

– Да-да! Мы обещали подумать над этим вопросом, и поверьте – думаем! Скажу больше – мы работаем над этим!

– Так пожалуйста, как доработаете – съем, что предложите. Я же всегда открыт для новых опытов.

На бледных губах мужчины возникла кривая улыбка, больше похожая на гримасу.

– Вот и превосходно, значит, договорились! И в ближайшие пару дней вы прозваниваете нам...

– Три-четыре раза, – кивнул Феликс суетливым ручейкам на стекле. – Могу и по ночам звонить, если заснуть не получится.

– Договорились! В любое время суток!

Нажав на отбой, Феликс сунул телефон в карман пиджака, и в этот момент в дверь постучали.

– Да! – сказал директор, оборачиваясь.

Дверь приоткрылась, показался Герман.

– Феликс, там Дмитрий зашел к нам кофе выпить.

– И что? Пусть пьет.

– А ты не выйдешь? Он с тобой пообщаться хочет.

Феликс потер переносицу, словно у него болела голова, и кивнул.

Капитан Мухин уже расположился на гостевом диване с кофейной кружкой, когда в секретарскую явился директор. Они пожали друг другу руки, поговорили о том, о сем, и Дмитрий принялся сокрушенно вздыхать, что несомненно указывало на то, что районному участковому опять что-то понадобилось от агентства «ЭФ». И Феликс помог поскорее перейти к делу:

– Что у тебя случилось?

– Да у меня-то ничего. – Мухин шумно вздохнул, и его курносое веснушчатое лицо сделалось загадочным и кислым одновременно.

– У лейтенанта Пестимеева проблемы появились?

– Ай, да нет! – отмахнулся он. – У Пестимеева вообще все прекрасно: какой-то родственник у него помер, дачу у озера в Подмоскowie ему оставил. Сейчас тепла дождется, ремонт сделает, и будем на рыбалку к нему ездить.

– Рад за Пестимеева. Так в чем печаль-кручина?

Дмитрий сделал маленький глоточек кофе и поставил кружку на стол.

– Кореш мой из следственного отдела – Слава Семенихин, неделю уже ходит к нам коньяк пить. А я на прошлых выходных портвейном отравился, прям смотреть не могу на тот коньяк. И главное – непонятно, почему так не пошло! Хороший ведь портвейн, из Испании в подарок привезли, и вдруг такое.

– Наверное, все дело в количестве. Или у тебя индивидуальная непереносимость портвейна. Пусть с Пестимеевым выпивает, тоже компания.

– Не пьет Пестимеев на работе, – снова тяжело вздохнул Мухин. – Семенихину одному приходится.

– Сочувствую Семенихину. А проблема-то в чем?

– Проблема в том, что он мучается! – Дмитрий многозначительно поднял вверх указательный палец.

– Семенихин?

– Да.

– Сам расскажешь, что его мучает, или так и будем играть в вопрос-ответ?

– Расскажу, конечно. – Мухин откинулся на спинку дивана, вытягивая ноги, и Феликс заподозрил, что он пришел надолго. – На участке нашем за полгода три смертельных случая, которые ни я, ни Семенихин понять не можем, – две женщины, один мужчина. Все трое умерли от асфиксии, но при этом никаких следов удушения. Вскрытие показало, что все здоровы, признаков насильственной смерти тоже нет, в квартире находились одни. Складывается впечатление, что они просто взяли и задохнулись ни с того, ни с сего. Слава говорит, что нутром чувствует – что-то тут не так, а зацепиться не может. Люди все приличные, не маргиналы, у всех семьи, убитые горем родственники, наседают на меня, на Семенихина, даже Пестимееву достается, требуют разобраться, а мы ничего сделать не можем. Нет криминала.

- На патологоанатомов пусть заседают, значит, они что-то проглядели при вскрытии.
- На них тоже заседают, но врачи только руками разводят. Странное дело, да?

– Возможно, – пожал плечами Феликс. – Только смертельные случаи не в компетенции нашего агентства, сам знаешь. Наше поле деятельности – неверные супруги да сбежавшие от бабушек коты. Так что, товарищи полицейские, выкручивайтесь сами. К тому же, думаю, врачи все-таки смогут найти причину, наверняка вся загвоздка в проблемах со здоровьем. Сейчас такая экология, что внезапно могут выстреливать болезни, которые раньше о себе никак не заявляли.

– Ну, это да.– Мухин взял со столика кружку, заглянул внутрь и поставил обратно. – Экология нынче дрянь. Главное, знаешь еще, люди эти разных возрастов и...

– Дим, это не наша сфера, извини. Я бы рад помочь тебе, Семенихину, Пестимееву— всем, но деятельность детективного агентства не предполагает расследования летальных случаев. И мы соблюдаем законы.

– Да понятно все, понятно, – с еще более кислым видом вздохнул участковый. Взяв с дивана фуражку, он водрузил ее на макушку и нехотя стал подниматься. – Ладно, я пойду тогда, а то как раз обед подходит, Слава и придет. С коньяком опять. Все ждет, когда меня воспоминания о портвейне отпустят. А они всё никак. Не отпускают.

– Молока попей.

– Да пил уже. Не помогает.

Махнув рукой, участковый поплыл на выход, так больше и не притронувшись к кофе

Когда за участковым захлопнулась дверь, Феликс вернулся в главный офис, где за компьютерами продолжали сидеть сотрудники с очень сосредоточенным видом.

– У вас тут как дела? Двигутся?

– Конечно! – ответил Гера, не отрывая взгляда от монитора. – Мы уже выработали стратегию!

– Молодцы, держайте.

Директор ушел в свой кабинет, а сотрудники немедленно выскочили из-за компьютеров и столпились вокруг стола Алевтины. Из верхнего ящика она достала основательно потрепанные карты и, глядя на фотографию миловидной черноглазой девушки с темно-каштановыми волосами на экране компьютера, принялась перемешивать колоду.

– Так, девочка у нас молоденькая, значит, быть ей дамочкой бубновой.– Аля достала нужную карту, положила на стол рядом с клавиатурой и снова стала перемешивать колоду. – Ну-ка, посмотрим, посмотрим...

Вдруг несколько карт выпали из колоды на пол, еще несколько зацепились друг за друга и вылезли вверх. Алевтина нахмурилась, собрала их, снова взялась перемешивать и карты посыпались опять.

– Сноровку растеряла без практики? – посочувствовал Валентин.

– Не в сноровке дело, тут может быть что-то другое.

– Что?

– Погоди, поглядим сейчас.

Алевтина начала раскладывать карты вокруг бубновой дамы и с каждой новой картой, выходящей из колоды, хмурилась все сильнее. Наконец, она произнесла:

– Похоже, информация закрыта, не хотят карты отвечать.

– Как? Почему? Где ты это видишь? – Гера, Арина и Сабуркин склонились над раскладом, словно ближе получилось бы рассмотреть нечто принципиально новое.

– Смотрите, – женщина ткнула пальцем в трефовую даму, – эта карта никак не «играет» с соседними, она выпадает и выпадает словно сама по себе и путает весь расклад— верный знак, что карты дают ложную информацию. И то, что они вылетали из колоды, это такой же знак.

– И что теперь?

– Сейчас еще попробуем.

Алевтина собрала карты, открыла ящик стола, сунула их внутрь, а взамен достала колоду карт Таро. Затаив дыхание, троица наблюдала, как Аля перемешивает колоду. Ни одна карта не упала. В такой же напряженной тишине она начала расклад. И вскоре развела руками:

– Здесь такая же картина. Белая карта выпала – это значит...

– Что кина не будет? – догадался Валя.

– Именно.

– А с чем это может быть связано? – поинтересовался Гера.

– Да много может быть причин. – Алевтина собрала карты и убрала обратно в стол. – Так сходу и не скажешь.

– И что будем делать? – спросила Арина.

– Предлагаю пойти самым простым и очевидным расследовательским путем, – сказал Сабуркин. – Сегодня пятница, значит, объект на работе, потом пойдет домой отдыхать. А завтра выходные начинаются, свободное время. Вот и посмотрим, чем она занимается, куда ходит, с кем встречается.

– Предлагаешь просто следить за ней? – уточнил Гера.

– Ну да. Все детективы так делают.

Глава 9

Подъезжая к дому, Феликс ощутил пока еще слабое эхо подступающего голода. Не желая допускать, чтобы это разрывающее чувство вошло в силу, он торопливо поднялся на этаж, поздоровавшись с охранником Алексеем лишь коротким кивком, вошел в квартиру и сразу направился на кухню. Открыв холодильник, Феликс досадливо поморщился— несколько дней он не заезжал в супермаркет и не пополнял запасы кокосовых орехов, их осталось всего три штуки, но на один прием должно было хватить. Сняв пиджак, он бросил его на спинку стула, тщательно вымыл бокал, оставленный утром в раковине, и принялся за орехи. Нечеловеческая сила вампира позволяла с такой легкостью разламывать толстую скорлупу, словно она была не прочнее яичной.

В одном орехе молока почти не оказалось, и удалось напедить всего четверть бокала. Добавив красного вина, Феликс взял бокал и пошел в гостиную. Квартира окружала тишиной и пустотой, лишь ход настенных часов с маятником вносил в эту пустоту немного размеренной механической жизни. Поставив бокал на круглый стол, накрытый искусно расшитой скатертью, Феликс включил напольный светильник, расстегнул рубашку, снял с волос золотой зажим и сел в кресло. Мягкий медовый свет растекался по старинному шелковому ковру, мебельной инкрустации, тускло заблестел на картинной раме – висящем в простенке натюрморте с виноградом и дичью.

Взяв бокал, Феликс сделал большой глоток и перевел дух, ощутив моментальное успокаивающее, обволакивающее действие кровезаменителя. Ушло сковывающее напряжение невидимых тисков, сдавливающих грудь и голову, пропало ощущение удавки на горле. Выпив еще, мужчина откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Сквозь опущенные веки он созерцал медовый свет ночника до тех пор, пока не ощутил движение воздуха у своих босых ног.

- Привет, – произнес Феликс, почти не размыкая губ.
- Привет, дорогой, – пропищал в ответ Дон Вито. – Ты сегодня рано.
- Да, уехал до закрытия агентства, сегодня не было для меня никаких дел.
- Ну и хорошо, зачем нужны дела в пятницу.

Усевшись на ковре рядом с креслом, крыс выпятил упитанное светлое брюшко и поднял мордочку, разглядывая мужчину в кресле блестящими глазками-бусинками. Феликс так и сидел с закрытыми глазами, откинувшись на мягкую спинку, жесткие черные волосы падали ему на плечи, обрамляя лицо и придавая ему сходство с темными, вечерними портретами Ван Дейка и Тициана.

- Феликс, а вампиры могут иметь детей? – неожиданно поинтересовался крыс.
- Нет. Почему ты спрашиваешь?
- Да так. Просто последние несколько дней размышляю о том, что человеческое вампирам чуждо, а что нет, чего они лишены и чем обладают.
- Детей мы иметь не можем, но можем их создавать – из человеческих. Вечных детей, которые никогда не вырастут. Возможно, кто-то так и поступал, но в нашем обществе за все четыреста восемьдесят лет я ни разу не слышал, чтобы кто-то сотворил себе такого ребенка.
- Почему?
- Довольно хлопотное дело, ведь такое дитя не вырастет не только физически, но и умственно, оно лишь ожесточается. В итоге получается неоправданно жестокое извортливое существо без каких-либо представлений о правилах человеческого общежития, рядом с которым сложно хранить собственную тайну.

- А-а-а... понятно. Вот еще хотел спросить...

– Если тебя интересует, не чужды ли вампирам плотские утехы, то нет, не чужды. Иначе наша вечность была бы на порядок скучнее. Правда с людьми мы предпочитаем развлекаться морально, нежели физически. Физическая близость с людьми для нас пресновата, большинство не разделяет, да и вовсе не выдерживает наших фантазий.

– Что значит – развлекаться морально?

– То и значит. Обращенный в вампира человек очень быстро становится психологическим садистом. Его собственные чувства, эмоции постепенно сглаживаются, притупляются, и требуется все больше остроты, больше перца, чтобы подогреть собственные эмоции, что угодно – лишь бы не раздавила скука. С понравившейся жертвой могут долго играть, доводя до полного изнеможения. Чаще всего играют в то, что вампиры больше не в состоянии испытывать – в любовь.

– Совсем-совсем не в состоянии? Даже если встретят кого-то особенного, то не смогут влюбиться, испытать страсть?

– Что-то отдаленно похожее на страсть, видимо, смогут, но все равно это будет нечто болезненное и разрушительное. Чаще всего вампиры создают пары друг с другом. Но... как пары, скорее это похоже на партнерство двух садистов со страстью, направленной на кого-то третьего. Ладно, Вито, хочу сегодня лечь пораньше. Какая-то дрянная усталость навалилась и не отпускает.

– Наверное, это из-за весны. Межсезонье непростое время.

Феликс усмехнулся, залпом допил молоко с вином, выключил светильник и пошел в спальню, на ходу снимая рубашку.

Окунувшись в темноту спальни, он отбросил край черного покрывала, похожего на остывший пепел, и лег. Вытянувшись на лиловых простынях, мужчина сунул ладонь под затылок, намереваясь как всегда перед сном рассматривать клинки и рукояти коллекции холодного оружия, но отчего-то даже едва заметные отблески металла показались ему утомительно резкими. Опустив веки, Феликс стал прислушиваться к пространству вокруг и к своим ощущениям в этом пространстве, чтобы сконцентрироваться на них до каждой мелочи, до остроты восприятия и после разом отгородиться от всего. Он ощущал, как прикасаются к коже прохладные простыни— одна складка в ногах, три у бедра, как возвышается над головой деревянная спинка кровати, как над спинкой висит на стене арбалет. Чувствовал тяжелые шторы, мягкий ковер, скрадывающий шаги, прикроватные подставки с каменными спилами-столешинами, напольный светильник, принесенный на время из гостиной, да так и оставленный здесь.

Феликс слышал кожей каждую вещь, каждый предмет, его текстуру и температуру, и когда в спальне появился Дон Вито, показалось, что не крыса пробежала по полу и забралась на кровать, а вторглось в тишайшее замершее пространство нечто большое, горячее, чересчур живое.

Устроившись на покрывале, Дон Вито пошевелил усами и тихонько вздохнул, наблюдая, как засыпает Феликс. Крысу спать не хотелось, он собирался дожидаться Паблито. После утреннего разговора расстроенный ворон улетел и весь день не показывался.

Но прошло немного времени, и, согревшись в мягких складках покрывала, крыс задремал и вскоре крепко заснул.

Через пару часов он резко проснулся, как показалось Дону Вито – от толчка в бок. Подскочив, он огляделся по сторонам, не понимая, что могло его потревожить. Спальня по-прежнему была погружена в тишину и темноту, спинка кровати, где обычно спал Паблито, пустовала, Феликс так и лежал на спине, подложив ладонь под затылок. Но... он не спал. Не спал и не бодрствовал. Дон Вито вдруг отчетливо почувствовал это странное его состояние. Подойдя ближе, крыс всмотрелся в застывшее лицо с неподвижными сомкнутыми веками, и ему показалось, что вот сейчас, прямо сейчас, мужчина погружен в какие-то тайные темные воды, и он плывет там, повинувшись неспешному бесшумному течению...

Вдруг Феликс резко открыл глаза— багрово-красные, с острыми иглами вертикальных зрачков, и тихо произнес:

– Где мой телефон?

– На столике у кровати, с правой стороны, – так же тихо ответил Дон Вито. – Что случилось?

Феликс молча поднялся, сел на краю кровати и взял аппарат со столика-подставки. Глядя ему в спину, крис напряженно слушал, как он набирает чей-то номер. И, судя по имени, которое произнес Феликс, когда ему ответили, звонил он своему доверенному— Владимиру, занимавшемуся его делами на территории Российской Федерации.

– ...мне нужен самолет, Володя. Сейчас, да, как можно скорее. Лететь – в Болгарию, в Софию, и там же сразу мне нужна машина... нет, без водителя, сам поведу. Да, жду звонка.

Закончив разговор, Феликс вышел из спальни. Дон Вито не сразу пришел в себя от такой быстрой смены событий. Когда же он спрыгнул с кровати и поспешил за мужчиной, тот уже скрылся в ванной.

Глава 10

Феликс успел полностью одеться, когда позвонил Владимир и сообщил:

– Заказал частный реактивный самолет, в течение трех часов будет готов к вылету из Внуково. В ближайшие полчаса с тобой свяжется представитель компании, сообщит подробности, бортовой номер и имя пилота. Перелет оплачен в оба конца, плюс сутки ожидания. Если собираешься задержаться дольше, то позвони, я доплачу.

– Думаю, суток вполне будет достаточно. Спасибо, Володя, и извини, что разбудил среди ночи.

– Все в порядке, – улыбнулся голос в трубке. – Хорошего полета и мягкой посадки.

Никаких вещей, кроме бумажника и телефона, Феликс с собой не взял. Даже не стал надевать пальто поверх черного костюма с серой рубашкой— с наступлением календарной весны он отбросил надобность соблюдения климатического дресс-кода, хотя повсюду еще лежали сугробы.

Часы показывали половину пятого утра. Феликс направился в прихожую, за ним поспешил Дон Вито.

– Не скажешь, зачем тебе так внезапно понадобилось в Болгарию?

– Кое-кого надо проведать. Скоро вернусь.

Дверь за ним захлопнулась, и Дон Вито остался в темном коридоре. С тревогой и тоской слушал крыс удаляющиеся шаги, пока они не стихли.

В прихожей он и присидел в задумчивости до тех пор, пока со стороны кухни не раздалось хлопанье птичьих крыльев. Дон Вито и не помнил, когда в последний раз так радовался этим звукам.

Выскочив из прихожей, он едва не столкнулся с Паблито – ворон направлялся в гостиную.

– Ты чего здесь? – притормозил Паблито. – И почему не спишь?

– Феликса провожал, он срочно улетел в Болгарию.

– Куда-а-а?

– В Болгарию, в Софию.

– Это ещё зачем?

– Сказал – проведать кого-то. Думаю, кого-то из своих. Мне кажется, ночью я почувствовал, как это происходит, когда у вампиров возникает связь, когда они общаются на расстоянии. Похоже, кто-то передал ему послание, вот он и сорвался лететь.

– Ничего себе дела. А вдруг его в какую-то ловушку заманили?

– И что дальше? Думаешь, будут пытаться, пока он не расскажет, как сумел выжить на солнечном свете? Самому-то не смешно?

– Прямо обхохочусь сейчас, да! – сварливо каркнул ворон, обошел крыса и вразвалочку направился дальше в комнаты.

– Ты сам-то хоть где был столько времени? – побежал за ним Дон Вито.

– Где был, там меня уже нет!

– У Дааны небось сидел, тоже мне тайна.

– Вот если все сам знаешь, чего тогда спрашивать!

По дороге Феликс заехал в супермаркет, купил кокосовых орехов, а в сувенирном магазине – плоскую металлическую фляжку. Затем в машине он разломил все купленные орехи, слил молоко во фляжку, выбросил пакет со скорлупой в мусорный контейнер и поехал в аэропорт.

Уже на подъезде к Внуково ему позвонил представитель авиакомпании. Феликс подтвердил свое намерение вылететь в Софию и выслушал подробные инструкции.

– Все понял, – сказал он, сворачивая к автостоянке аэропорта. – Я уже практически приехал, могу подняться на борт, как только скажете.

– Минут через двадцать все будет готово. Какой завтрак пожелаете?

– Ничего не надо, я не голоден.

– Скажите номер машины, вас встретят на парковке.

Феликс продиктовал номер, добавив марку и цвет машины – темно-зеленая «Ауди S8», и отключился со связи.

Когда Феликс заехал на стоянку, его уже ожидал молодой человек в белом свитере и кожаной куртке, готовый взять багаж и всячески ухаживать за VIP-клиентом. Но багажа не оказалось, верхней одежды тоже, клиент так и направился под мелким мерзким снегом через парковку к зданию аэровокзала в одном костюме и легкой обуви.

Завершив все формальности на таможне, парень вывел Феликса на летное поле, где их ожидал автомобиль, должный отвезти к самолету, и через несколько минут пассажир был уже на борту.

Расположившись в кресле у иллюминатора, он снова отказался от предложенного стюардессой завтрака с чашечкой кофе, положил голову на подголовник и закрыл глаза.

Так неподвижно пассажир и просидел до самой посадки в аэропорту столицы Болгарии. Лишь когда самолет пошел на снижение, он пошевелился и посмотрел в иллюминатор. Над плотным облачным покрывалом, скрывающим страну, сверкало оранжевое утреннее солнце. Лучи, ударившие в иллюминатор, на миг высветили в синеве глаз потаенные багровые блики, но Феликс надел черные очки, надежно скрывая свою тайну.

Болгарская таможня тоже не отняла много времени, и вскоре Феликс вышел из здания аэропорта, где у входа его поджидала черная «БМВ» представительского класса. Коротко кивнув встречающему, Феликс взял у него ключи, сел за руль и немедленно уехал.

Конечным пунктом его путешествия было маленькое село Лесковдол в сорока пяти километрах от Софии. Весна в Болгарии уже вовсю буйствовала: окрестности украшала молодая зелень, цвели кустарники, тянулись к свету саженцы в полях и огородах. Разогнав облачную завесу, солнечные лучи ударили прямоком в лобовое стекло. На миг потеряв трассу из вида, Феликс опустил автомобильный козырек.

Чёрная «БМВ» неслась по шоссе, обгоняя редкие машины – движение в этом направлении никак нельзя было назвать оживленным.

Вскоре начались фруктовые сады, стали встречаться брошенные разбитые домишки с плоскими крышами, и, не доезжая указателя «Лесковдол», Феликс свернул на проселочную дорогу. Живые картины, полученные ночью, вели его на местности лучше всякого навигатора, и через пару минут машина остановилась у одноэтажного каменного дома за высокой оградой.

Распахнув калитку, Феликс зашел на утопающую в зелени старых деревьев территорию и постучал в дверь. Не получив ответа, он открыл ее сам и шагнул за порог. Дом встретил тишиной и сырой сумеречной прохладой.

– Виктор! – крикнул Феликс. – Это я! Я приехал! Где ты?

– По коридору налево, – ответил чей-то тихий голос.

Все окна в доме были завешаны плотными двойными шторами, отчего внутрь не проникало на капли солнечного света. Пройдя по коридору, Феликс вошел в небольшую комнату, большую часть которой занимала кровать под шатром-балдахином из ткани такой же плотной, как и шторы. На постели, утопая в подушках, полулежал толи парень, толи мужчина – ни с первого, ни со второго взгляда было невозможно определить его возраст. Создавалось впечатление, что на юное лицо с большими черными глазами, четко очерченным крупным ртом и овальным подбородком наложили полупрозрачную маску возраста: черты лица заострились, по смертельно-бледной коже шли серые пятна, в густых черных волосах серебрилась сильная проседь.

Лежащий на кровати взглянул на Феликса, и на губах его возникла слабая улыбка. Жестом он попросил подойти ближе и произнес на английском:

– Здравствуй. Садись, пожалуйста.

Не сводя взгляда с лежащего, Феликс присел на край кровати.

– Виктор, что ты сделал с собой?

– Пять носителей больной крови подряд – всего ничего, а каков эффект, да?

– Но зачем?

Тот помолчал, затем вытянул раскрытую ладонь, и Феликс взял его за руку с массивным золотым перстнем с монограммой в виде буквы «V» на пальце. Когда их руки оказались рядом, Феликс невольно отметил, насколько темнее его кожа. В сравнении с кожей Виктора, она выглядела практически смуглой.

– Надо было раньше это сделать. – Тихий голос Виктора походил на шелест струящегося песка. – Сразу, как вы с Дамианом меня бросили. А я все чего-то ждал, надеялся – что-то изменится, но ведь триста лет вполне достаточный срок для понимания, что ничего не изменится, верно?

– Почему ты не остался с Дамианом, что произошло?

– Когда ты нас покинул, его перестало интересовать всё, что было общим – дома, города, страны и я в том числе. Однажды Дамиан просто ушел и не вернулся, он поехал дальше без меня. Но ты не думай, я был к этому готов: у меня были и лошади, и средства, и примерный план на будущее. Вот только будущего не оказалось. Смешно, да?

– Не очень. И как ты жил?

– Никак. Ничто, никогда и нигде не смогло меня заинтересовать, зажечь сильнее нашей прошлой жизни. Весь смысл заключался лишь в поиске еды и безопасном ночлеге. И в общем-то, с меня довольно.

– Ты связывался с Дамианом?

– Много раз, включая эту ночь. Он ни разу не отозвался.

– Почему же ты раньше не обратился ко мне?

– А смысл? Будь я тебе нужен, ты бы хоть раз вспомнил обо мне. К тому же Дамиан...

– Представляю, что он мог наговорить, не обязательно повторять.

– Ничего такого уж плохого он не говорил, – улыбнулся Виктор. – В основном...

– Меня правда не интересует, что там говорил Дамиан. Скажи лучше, ты знаешь, что с тобой будет дальше?

– Конечно. Не думаешь же ты, что это спонтанное решение. Я долго готовился.

– Неужели нельзя было найти какой-то другой выход? – С английского Феликс перешел на хинди. – Ты же из касты воинов, Арджуна, как ты мог опуститься до такого?

– Влачить подобное существование и дальше – вот это означает опуститься. – Он тоже перешел на хинди. Когда Виктор услышал свое настоящее имя и заговорил на родном языке, показалось, что даже уродующая его временная маска сделалась мягче и прозрачнее. – Хочу, чтобы ты знал – я не виню вас с Дамианом. Я вам даже в чем-то благодарен.

– Давай закончим этот разговор, Арджуна. Пять больных людей это плохо, но не смертельно, все еще поправимо. Можно составить противоядие, через пару дней ты станешь прежним. Я побуду здесь с тобой до полного выздоровления, потом мы вместе улетим в Россию. И начнем сначала – с поиска смысла для тебя, мальчик из Индии.

Арджуна рассмеялся:

– О, как давно я этого не слышал: «мальчик из Индии»! Как же забавно это сейчас звучит... мальчик из Индии... мальчик из Индии...

– Ты должен встать сейчас, мне нужно сделать пару проколов и выпустить хотя бы немного зараженной крови. Она сейчас у тебя густая, очень густая, не может двигаться, про-

колы помогут ей немного.— Феликс отнял руку, державшую ладонь Арджуны, сжал пальцы в кулак, отчего из его перстня выскочил острый золотой «коготь». — Ты сможешь встать?

— Смогу.

Он тяжело поднялся с кровати, выпрямился, цепляясь за полог и пошатнулся, схватившись за плечо Феликса. Выпрямившись, парень перевел дух и посмотрел ему в лицо. Черные глаза его лишь издали казались черными, вблизи было видно, что они темно-красные.

— Мы уедем из этой дрянной дыры буквально через пару дней, — сказал Феликс. — В Софии меня ждет частный самолет, он будет ждать, сколько понадобится...

Феликс говорил, но видел, что Арджуна не слушает, а просто смотрит на него с блуждающей улыбкой. Затем парень снова пошатнулся, шагнул в сторону, схватился за портьеру и сорвал её с окна.

Глава 11

Солнце ворвалось в комнату, моментально высвечивая всю старость, убогость обстановки с потеками сырости и плесенью на стенах. Арджуна схватился второй рукой за Феликса, и пальцы его буквально впились в плечи сквозь ткань пиджака. Они смотрели друг другу в глаза, пока Арджуна не начал дымиться. Руки его стали слабеть, и Феликс шагнул назад, выходя из светового круга. Кожа Арджуны пошла трещинами, тело стало лопаться и разваливаться, как перегретый в печи керамический кувшин. Феликс отступил еще на шаг, и в этот момент вампир взорвался беззвучной ослепительной вспышкой. На дощатый пол осыпался густой беле-сый прах, с глухим стуком упал массивный перстень с буквой «V», а в пространстве, в метре от пола, возник вытянутый световой протуберанец, внутри которого очертания света и тени создавали иллюзию кричащей человеческой фигуры.

Пока протуберанец не начал хаотично двигаться по комнате, Феликс обошел его, поднял перстень и сунул в карман.

Пройдясь по комнатам, Феликс искал имущество Арджуны-Виктора, что-либо знаковое или ценное, что могло привлечь местных жителей или натолкнуть их на мысль, какое существо здесь обитало, но ничего кроме нескольких перемен одежды не обнаружил. Весь скудный скарб, кое-какие старые вещи – все, по-видимому, осталось в доме от прежних хозяев, а новый жилец вселился без багажа.

Выйдя во двор, Феликс захлопнул входную дверь и пару минут просто стоял и смотрел по сторонам, привыкая к солнцу и краскам, которые после сырых сумерек показались ядовито-яркими. Затем направился к машине.

Сев в салон, он вытащил из внутреннего кармана пиджака небольшую металлическую фляжку и залпом выпил ее содержимое. Затем черная «БМВ» тронулась с места. Руки водителя спокойно лежали на руле, взгляд рассеянно смотрел на дорогу сквозь стекла солнцезащитных очков, но видел Феликс не утопающую в весенней зелени трассу, а плотно укрытую летней ночью дорогу вдоль Атлантического океана. Они с Дамианом держали путь из Испании в Марокко, собираясь встретиться с магрибскими алхимиками, а заодно приобрести арабские ятаганы и берберских жеребцов, славившихся своей неприхотливостью и выносливостью.

Над штормящими черными волнами стояла огромная медно-красная луна, и в ее ярком, блистающем на воде свете еще издали стали заметны обломки португальского галеона. Дамиан не собирался сворачивать с пути, но Феликс настоял на этом, хотя что он там собирался отыскать в корабельных обломках, и сам не знал.

Феликс с Дамианом спустились к берегу и буквально сразу увидели в воде обломок мачты и истощенного парнишку на нем. Долго раздумывать не стали – совсем недавно они потеряли своего слугу, не успевшего вернуться в укрытие до рассвета, поэтому парнишку достали из воды и забрали с собой. По дороге его привели в чувство и узнали, что он индус из касты воинов по имени Арджуна, что семья отправила его в колледж иезуитов в Португалию, но по дороге корабль разбился. Разговаривая с ним, Феликс с Дамианом увидели, что у парня гибкий ум, он хорошо воспитан, образован и вполне сумеет стать не только слугой на время поездки, но и компаньоном на более длительный срок.

И по прибытию в Марокко Арджуна получил перстень с золотым «когтем» и имя – Виктор...

Черная «БМВ» подъехала к зданию аэропорта, и Феликс созвонился с пилотом, сообщив, что он закончил свои дела и готов улететь обратно.

В течение часа самолет подготовили к вылету, и единственный пассажир поднялся на борт. Он снова отказался от еды, сел у иллюминатора, откинув голову на подголовник и так просидел до самой посадки во Внуково.

Из здания аэропорта Феликс вышел под тихий крупный, почти что новогодний снегопад. Пройдя на автостоянку, он открыл свою машину, вынул из пиджачного кармана фляжку и сунул ее в бардачок. Выехав с территории аэропорта, он собирался домой, как вдруг резко сменил курс и поехал в сторону поселка Горчаково, находившегося в сорока минутах езды от Внуково.

Не доезжая нескольких километров до поселка, за высоким забором, в заснеженных соснах стоял трехэтажный загородный дом Феликса. Он уже несколько лет не заезжал туда, но силами пожилой пары, проживавшей в одноэтажном доме на этом же участке, в особняке поддерживался безупречный порядок и готовность встретить хозяина в любой момент.

Света в окнах одноэтажного дома не виднелось, дверь была заперта – видимо, работники отлучились куда-то по своим надобностям. Оставив машину у входа в особняк, мужчина поднялся по ступеням и зашел внутрь. В доме было сухо и тепло, все системы, как обычно, были настроены в соответствии с его привычками.

Часть первого этажа занимал бассейн с зимним садом— за время отсутствия Феликса растения разрослись в настоящие тропические заросли, но при этом были так тщательно ухожены, что казались пластмассовыми. Раздевшись в гардеробной, Феликс прихватил халат, полотенце и отправился в душ. После – прыгнул в бассейн. Как только он оказался в воде, в помещении автоматически включилось мягкое желто-оранжевое освещение, имитирующее солнечный свет. Окна всех трех этажей имели стекла-хамелеоны: с рассветом они темнели, не пропуская внутрь ни капли ультрафиолета.

Наплававшись, он набросил халат и пошел в соседнее помещение, выполненное и обставленное в стиле ар-деко. Там находилась небольшая винотека и коллекция посуды – от хрустала до бронзовой чеканки. Выбрав бутылку, Феликс откупорил ее, прихватил бокал и отправился на третий этаж – единое просторное пространство без внутренних перегородок, со стеклянной частью потолка, где поджидали хозяина полукруглые диваны с многочисленными подушками, стеллажи с огромным количеством бесценных книг, пара старинных гитар на специальных подставках и черное фортепиано посреди зала.

С бокалом вина в руке, он прошелся по залу, словно привыкал и заново обживался в этом интерьере, затем сделал пару глотков, подошел к фортепиано, поднял крышку и сел за клавиши.

Глава 12

За городом Феликс пробыл всё воскресенье и покинул особняк только в понедельник утром – сразу направился в агентство. Хотя и выехал он с запасом, но предусмотреть крупное ДТП в десяти километрах от Внуково, собравшее огромную пробку, которую никак невозможно было объехать, все равно не мог. Поэтому к зданию агентства «ЭФ» директор подъехал с часовым опозданием.

Сотрудников своих он застал в секретарской за кофе и обсуждением чего-то важного.

– Доброго утра всем, – сказал Феликс, стряхивая с пиджака мгновенно тающие мелкие снежинки. – Как дела?

– Дела идут, – ответил Гера и отчего-то тяжело вздохнул. – Вот только Сабуркин куда-то подевался.

– В смысле? Что значит – куда-то подевался? – Рука Феликса замерла на лацкане, и он медленно обвел взглядом присутствующих.

– В пятницу мы договорились, что в субботу утром пойдем следить за нашей клиенткой, – торопливо принялась объяснять Арина. – Посмотрим, где она бывает, с кем встречается – все же детективы с этого начинают. Так вот, в субботу мы по адресу приехали, а Валя нет, хотя это именно его была идея и он собирался участвовать. Весь день мы ему звонили: сначала телефон не отвечал, потом стал недоступен. И в воскресенье тоже недоступен. И с утра сегодня звонили с тем же результатом...

– Почему вы домой к нему не поехали? – прервал Феликс.

– Мы бы поехали, – развела руками Алевтина Михайловна, – да только не знаем, где он живет.

– А мне почему не позвонили?

– Мы звонили, – сказал Гера, – только у тебя телефон тоже то вне зоны действия, то не отвечает, то опять вне зоны. Мы подумали, ты или отдыхаешь, или в разъездах где-то, или...

– Понятно. С этого дня, будьте любезны, обменяйтесь не только телефонами, но и домашними адресами друг друга. А я был в разъездах, да. Так, Аля, поехали, навестим пропавшего. Среди бела дня вскрывать замок или забираться в квартиру через окно – слишком заметно, так что если Валентин дома, но открыть не может, войдешь через стену и отпредишь дверь.

– Почему он не сможет открыть? – Васильковые глаза Арины расширились от страха и волнения. – По какой такой причине?

– По причине запоя, например! – отрезал директор.

– Полагаешь, он запил? – недоверчиво переспросил Гера. – Думаешь, Валя способен на такое? Он вроде ответственный человек и очень старался никого не подводить.

– Видимо, перестарался!

– Но запой...

– А что еще? Не инопланетяне же его похитили! Идем, Аля!

Женщина торопливо накинула кожаное пальто и выскочила вслед за Феликсом на крыльцо. Оставшиеся сотрудники переглянулись с пасмурными лицами – допивать кофе расхотелось, и Никанор Потапович стал собирать кружки.

Приехав к дому Сабуркина, Феликс на всякий случай позвонил ему на мобильный. Не получив ответа – в домофон. Реакции так же не последовало. Тогда Феликс взялся за край металлической двери и дернул на себя, ломая замок домофона.

– Ой, зачем! – воскликнула Алевтина. – Я бы могла пройти... Ну, да ладно.

Они зашли в подъезд, поднялись на этаж, и Феликс позвонил в дверь.

– Ни ответа, ни привета, – вздохнула Аля. – Может, дома его нет, уехал куда?

– Дома он! – процедил Феликс. – Чувствую его присутствие в квартире!

– Пожалуйста, ты только его сразу не мутузь, ладно? – Женщина прижала ладони к груди и умоляюще посмотрела на начальство. – Мало ли, что у человека случилось.

– Открой дверь, – сдержанно проговорил Феликс и добавил: – Будь так любезна.

– Подержи. – Алевтина сняла пальто, передала директору и подошла вплотную к стене у двери.

Потрогав ладонью выкрашенную зеленой краской поверхность, словно пробуя ее на прочность, Аля глубоко вдохнула, задержала воздух и шагнула напрямик в стену, исчезая из вида. Показалось, что зеленая краска пошла кругами и рябью, словно стена была нарисована на воде, но через мгновение все успокоилось.

Через минуту послышался звук отпираемого замка, дверь приоткрылась, и Алевтина впустила Феликса в квартиру.

– Похоже, ты прав, – удрученно сказала она, – судя по запаху, наш Валя загулял.

Тяжелый табачно-водочный дух ощущался даже в прихожей.

Феликс сразу направился в комнату, Алевтина зачем-то еще заглянула на кухню и вскоре догнала начальство. Валентин лежал на тахте лицом к стене и похрапывал во сне. На полу, на табуретке в изголовье стояли, лежали пустые и недопитые бутылки водки и коньяка, валялись какие-то огрызки и окурки, брошенные мимо пепельницы. А на письменном столе у окна красовалась новая поделка – прекрасно выполненная копия замка Диснея.

Алевтина обвела недоуменным взглядом стеллажи и настенные полки, заставленные дворцами, замками, миниатюрными копиями известных туристических объектов разных стран, и поинтересовалась:

– Это еще что такое?

– Хобби нашего Валентина. Если можно так сказать.

Зайдя в комнату, Феликс подошел к кровати, склонился над спящим и пощупал пульс на шее. Затем достал телефон и набрал номер своего доверенного – Владимира.

– Володя, приветствую. – Прижимая трубку к уху плечом, он отошел к окну, отодвинул занавеску и открыл форточку, чтобы проветрить помещение. – Да, слетал прекрасно, все хорошо, авиакомпания выше всех похвал. У меня опять к тебе просьба. Пришли мне на дом хорошего врача-нарколога... Нет, не мне лично, я пока еще держусь, одному знакомому надо. В запой с пятницы ушел. Ну, классика, да. Нужно прокапать, почистить, привести в порядок. Адрес пришлю по смс. Хорошо, спасибо.

Сунув телефон в карман, Феликс обвел взглядом комнату, словно собирался собственноручно приняться за уборку и раздумывал, с чего начать.

– Сейчас я тут все выброшу и вымою, – с мрачной решимостью произнесла Алевтина. – Эх, Валя, Валя...

– Начни с кухни, – посоветовал директор.

Кивнув, женщина вышла из комнаты, вскоре послышалось звяканье стеклотары, а Феликс вдруг начал исследовать шкафы, антресоли, тумбочки. Его интересовали фотоальбомы, блокноты, личные записи, вещи Сабуркина. И к тому моменту, когда Аля закончила приводить кухню в порядок, он нашел все, что требовалось.

Пока дожидались врача, Алевтина прибралась и в комнате, вымыла полы и пришла к выводу, что доктора теперь не стыдно встретить.

– Надо было еще сиделку позвать, – сказал Феликс, глядя, как она выжимает тряпку в ведро. – Чтобы побыла тут с ним, еды приготовила.

– Зачем? Я побуду, суп сварю, чай сделаю, поговорю с ним о чем-нибудь – все лучше, чем чужой человек. А в агентстве тебе наши сами всё расскажут, чего мы там выследили по делу Карины.

– Пусть так, – кивнул Феликс. – Врача я тогда дожидаться не буду. Сама справишься?

– У меня муж запойный был, отчего и помер, – напомнила Аля. – Уж я-то справлюсь.

Глава 13

Вернувшись в агентство, Феликс созвал оставшихся сотрудников в главный офис, рассказал о ситуации с Валентином, после перешел к текущим делам:

– Аля сказала, вы сами доложите о результатах слежки за нашей клиенткой. Навыслеживали что-то интересное?

– Два дня, всю субботу и воскресенье, она ходила по церквям, – ответил Герман. – Ни с кем не встречалась, не общалась, ничем больше не занималась – только церкви объезжала. Причем побывала не только в христианских, но и в католических, иудейских, заезжала к баптистам, в мечети и в ашраме тоже была.

– Вот как? – Феликс приподнял одну бровь. – И что она делала там?

– Где-то свечки зажигала, где-то просто так стояла, губами шевелила, в общем, что положено делать в церквях, то и делала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.